

ОГОНЁК

№ 28 (1413)

11 ИЮЛЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Добрая память

Иван ГОРЕЛОВ

Фото С. Фридлянда.

Знойное летнее утро. Над полями и перелесками невиданной голубизны небесный шатер. На суглинистом косогоре нарядные белоствольные березки. Горделивые, задумчивые стоят у дороги дубы-сторожа.

Машина мчит по шоссе. У всех в памяти адрес, названный Антоном Павловичем Чеховым в его многочисленных письмах к друзьям и знакомым: «Станция Лопасня Московско-Курской ж. д., Мелихово».

Миновали станцию Лопасня. Дорога свернула влево и побежала среди редколесья.

Новоселки. По обеим сторонам шоссе уютные палисадники, полные сирени. Здание под железной крышей, и на нем мемориальная мраморная доска:

«Эта школа построена А. П. Чеховым в 1897 году».

— Добрую память оставил о себе человек! — говорит колхозница Мария Ивановна Андреева.

Помнит она, как миром выбрали место для школы, возили со станции лес, издали на крестьянских возках доставляли кирпич для фундамента. В их избе квартировали плотники, а через двор жили на постое каменщики из Хотуни. Помнят новоселковские старожилы, как приезжал к ним на простеньком одноконном тарантасе Антон Павлович, курил вместе с плотниками махорку, беседовал с крестьянами...

Проезжаем овраг, зеленую, присмирившую от зноя речушку Люторку, и вот гостеприимное Мелихово.

Здесь необычайное оживление: меж кустами жасмина, кряхтя, разворачивается автобус, на пятитонном грузовике приехали серпуховские рабочие, стайкой про-

несли велосипедисты. У пруда, возле березок, походным лагерем расположились школьники...

Антон Павлович прожил здесь около семи лет. За нехитрой решетчатой оградой, в маленьком островерхом флигельке созданы им произведения: «Три года», «Чайка», «Моя жизнь», «Мужики».

Чехов не мог жить без постоянного, живого общения с народом, без активной общественной деятельности. «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек», — резюмировал он свои мысли в одном из писем.

Лето 1891 года он провел в Богимове, Калужской губернии. Затем, вернувшись в Москву, всю зиму усердно хлопотал о покупке небольшого хутора на Украине.

И вот случайно подвернулось Мелихово...

Село в ту пору лежало на торговом каширском тракте: железной дороги до Каширы еще не было. На бойком месте вдоль тракта — трактиры. Центр Мелихова, его сухую, возвышенную часть, занимали мелкие поместья озорного барина Кушинникова, дерзкого, сумасбродного помещика Вареникова и художника Сорохтина.

А осинового крестьянского избы — из горького дерева сбиты и судьбою забыты — островками ютились в окраинных слободах — «Наумихе», «Киселихе», «Воробьевке» и «Чуфарихе».

Художник Сорохтин увяз в долгах, как таракан в тесте, и спешно продавал запущенное имение.

Его-то и купил в феврале 1892 года Антон Павлович Чехов.

«Не было хлопот, так купила баба поросля! — писал он А. С. Киселеву. — Купили и мы поросю — большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии не-

пременно дали бы титул герцога. 213 десятин на двух участках. Чересполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает собой кустарник. Называют его оглобельным, по-моему же, к нему более подходит название розговой, — так как из него пока можно изготавливать только розги. Это к сведению гг. педагогов и земских начальников».

Усадьба размещалась на четырех десятинах. Огромный крытый железом дом с террасой и с итальянскими окнами стоял у пруда, рядом красовался парк, большой яблоневый сад. У изгороди — всевозможные хозяйственные постройки.

Семья Чехова переехала сюда в начале марта 1892 года по глубокому снегу, в морозный день... Имение было сильно разрушено, и хлопот с ним в первые месяцы было много.

Мелиховский старожил Михаил Прокофьевич Симанов так вспоминает о приезде А. П. Чехова в Мелихово:

— Земля, как говорится, слухом полнится. И вот прослышали мы, продал беспутный барин свое имение. Художник то есть. Вечно в отлучке сердяга находился. С нами не шибко дружил, а по нужде только... Все больше у помещиков околечивался. Хозяйство его без присмотра на корню захирело. Скотина от ветра падает, ребра одни. Ну, продал... И вот — смотрим на большак — сани. Одни, другие. Новые господа приехали! Возниц отправили, ворота закрыли, а мы смотрим. Из всех окошек следим, из щелочки каждой. Интересовались узнать, куда перво-наперво хозяин пойдет: к

Кушинникову или к Вареникову? Ждем-ждем — никого. А наша изба рядом. Сапожничаем, да на ворота поглядываем. И вот выходит человек роста небольшого, щупленький. Осмотрел ворота, ограду рукой потрогал, на окрестности взглянул и зашагал в село — к нам. Остановился возле трактира: «Здравствуйте, — говорит, — добрыми соседями будем». Прожить-быть расспрашивать стал. И мы обрадовались его приезду. А когда узнали, что лечить может, вдвойне обрадовались...

Больные приходили пешком, приезжали издалека на телегах. Иногда их собиралось очень много, и каждого Антон Павлович осматривал, выслушивал, каждому выдавал лекарства, купленные на свои скромные средства.

Летом 1892 года Серпуховскому уезду, куда входило село Мелихово, угрожала серьезная опасность: в соседних губерниях свирепствовала эпидемия азиатской холеры. Антон Павлович спешно организует земский санитарный участок и руководит им до глубокой осени. Ради этого были оставлены все дела, в том числе и литературные — единственный источник существования его семьи.

Он строит народные школы: сперва в большом селении Талее, затем — в Новоселках и в Мелихове. Перед самым отъездом из Мелихова начинает сбор средств на постройку четвертой школы — в селе Степыгине.

В весенние и летние месяцы к Антону Павловичу приезжали из Москвы многочисленные знакомые и друзья. Заезжали и местные землевладельцы, врачи, земцы, охотники и просто почитатели литературного таланта. Дом был переполнен. «Боже, как хочется писать! Уже три недели прошло, как я не знаю одиночества», — жаловался Чехов сестре Марии Павловне в апреле 1894 года.

Бронзовый бюст А. П. Чехова, установленный в селе Мелихове.

И он находит выход: посредине сада решено построить небольшой флигель на две комнаты с высоким чердаком и балконом. Строительство было закончено уже в конце июня, то есть менее чем через два месяца.

«Флигель у меня вышел мал, но изумителен. Плотники взяли за работу 125 рублей, а устроили игрушку, за которую на выставке мне дали бы 500 руб.», — писал Антон Павлович.

Сейчас здесь мемориальный музей.

Научная сотрудница Любовь Яковлевна Лазаренко увлекательно рассказывает о том, как, уединившись от гостей в дощатом миниатюрном кабинете, писал Антон Павлович свою знаменитую «Чайку». Писал при свечах, ночами, не щадя сил и здоровья, засиживался до утра. Неподдалеку от флигеля, за изгородью, стояла изба потомственных сапожников Симановых. Тачали сапоги артельно, всей фамилией, перед базарными днями или праздниками тоже подолгу засиживались. Утром как-то Антон Павлович и говорит Прокофию Андриановичу Симанову:

— Ну, сдаюсь... Вчера вы меня пересидели. Я во втором часу свечи погасил, а ваши окошки долго еще светились.

Вся мелиховская жизнь — медицинская практика, постройка школ и дорог, постоянное общение с крестьянами и интеллигенцией Серпуховского уезда — не прошла даром для Чехова-писателя.

Современники указывают, например, что отдельные эпизоды из «Мужиков» доподлинно отражают прошлое горемычное бытие мелиховцев. Называют прообраз лакея Николая Чикильдева, захворавшего в Москве и вернувшегося умирать в родные места. Даже фамилия эта, оказывается, мелиховская...

И сцена пожара в «Мужиках», безусловно, написана по мелиховским впечатлениям.

Пожары в селе случались часто. Антон Павлович возмущался беспечностью крестьян, советовал рыть пруды, а затем построил в Мелихове пожарный сарай.

Село Уклево, с его топкой грязью, со старыми вербами у заборов, с трубами небольших фабрик, описанное в повести «В овраге», во многом напоминало село Угрюмово, находящееся по соседству с Мелиховым.

«Я назначен попечителем школы в селе, носящем такое название: Талеж. Учитель получает 23 р. в месяц, имеет жену, четырех детей и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы вы ни заговорили с ним, он все сводит к вопросу о жалованьи. По его мнению, поэты и прозаики должны писать только о прибавке жалованья», — писал Антон Павлович Суворину 27 ноября 1894 года.

Учитель Семен Семенович Медведенко в комедии «Чайка», написанной в 1896 году, так говорит Маше: «Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего 23 рубля в месяц... И когда Маша простодушно отвечает ему, что счастье не в деньгах, Медведенко упорно повторяет: «Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись».

Есть мелиховские крупинки и в других произведениях Антона Павловича.

Выходим из музея. Среди радужной россыпи цветов возвышается бронзовый бюст писателя.

И, куда ни глянь, все здесь напоминает о его добром имени: и виднеющееся за оградой здание правления колхоза, носящего это имя, и зеркально голубеющий на солнце пруд, и огромные возмужавшие березы, посаженные им вдоль живописного низкого берега.

Сторож музея А. П. Чехова в Мелихове М. П. Симанов.